

learning, which occurs as a result of personal experiences [Hase 2007, p. 112].

Навчання впродовж життя вимагає не лише якісних знань та методів навчання, але й поліпшення самого процесу засвоєння нових знань, отже, з ним мають бути пов'язані різноманітні мнемонічні техніки. Так, набув широкого вжитку новий термін *neurobics* (створений шляхом контамінації *neuron* + *aerobics*) – "гімнастика для мозку", "вправи, які стимулюють роботу мозку": *But you can give your brain a good workout with just a few modifications in your daily life. Some of the niftiest are "neurobics" -- a term popularized by the late neurobiologist Lawrence Katz for engaging different parts of the brain to do familiar tasks* (*The Wall Street Journal*, June 2, 2008)

Підсумовуючи все вищесказане ми дійшли висновку, що концентрація великої кількості неологізмів навколо новітніх концепцій навчання пов'язана із формуванням суспільства нової сутності, де головною цінністю стають знання - *knowledge society*. Впровадження новітніх концепцій навчання в систему освіти англословних країн має значний вплив на процес поповнення словникового складу сучасної англійської мови.

У **перспективі** планується детальне дослідження шляхів та способів утворення неонімацій, що позначають методи, способи та процес навчання та виокремлення окремих лексичних груп семантичного поля навчання.

Література

- Андреев А.А. E-learning: некоторые направления и особенности применения / А.А. Андреев, В.А. Леднев, Т.А. Семкина // Высшее образование в России. – 2009. – № 8. – С. 89-91. Головатий М. Висока освіта впродовж життя [Електронний ресурс] / М. Головатий // Персонал плюс. – 2006. – № 37 (188) // Режим доступу: <http://www.personal-plus.net/188/1154.html> Маслова В.В. Основы андрагогики. Терминологический словарь-справочник [для студ. соц.-гуманитарн. спец.] / Сост. В.В. Маслова. – Мариуполь, 2004. – 19 с. Hase S. Heutagogy: A Child of Complexity Theory / Ch. Kenyon, S. Hase// Complicity: An International Journal of Complexity and Education. - 2007. Volume 4. Number 1. – pp. 111-118. Jarvis P. International dictionary of adult and continuing education/ P. Jarvis, A. L. Wilson. – London: Routledge, 2002. – 202 p. Kokosalakis N. Lifelong Learning: The Implications for the Universities in the European Union. Greece: National Report /N. Kokosalakis, S. M. Koniordos. – Athens: Panteion University, 2000. – 102 p. Lee H. Ch. The new era of televersity and andraversity in the campusless society: the virtual university and its implications in Korea / H. Ch. Lee // Virtual University? Educational Environments of the Future / Proceedings from a symposium held at the Wenner-Gren Centre, Stockholm, October 1999 / [ed. by Henk J. van der Molen]. – London: Portland Press Ltd, 2001. – P. 117-128. Lifelong Learning in the Global Knowledge Economy: Challenges for Developing Countries: The World Bank Report / [ed. by T Linden]. – Washington: the World Bank, 2003. – 137 p. Watson W. R. An Argument for Clarity: What are Learning Management Systems, What are They Not, and What Should They Become / W.R. Watson // TechTrends. – 2007. – № 51(2). – p. 28-34.

УДК 81'77=111

КРИШТАЛЬ С.М.

(Донецкий национальный университет)

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОРИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Статья посвящена языковым метафорам, которые рассматриваются как непосредственное проявление метафорического мышления в языке. В статье проводится сравнительный анализ процессов метафоризации в разноструктурных языках на примере отдельной группы лексики. Неодинаковая вовлеченность лексики рассматриваемой группы в процессы метафоризации в разных языках объясняется структурными различиями языков, сформировавшимися, в свою очередь, метафорические «предпочтения» у их носителей.

Ключевые слова: метафорическое мышление, стилевое ограничение, мотивированность, коннотация, метафорическое словообразование.

Кришталь С.М. Метафоричне мислення і мова (порівняльний аналіз метафоризації в англійській, російській та українській мовах). Статтю присвячено мовним метафорам, які розглядаються як безпосередній прояв метафоричного мислення у мові. В статті здійснюється порівняльний аналіз процесів метафоризації у різноструктурних мовах на прикладі окремої групи лексики. Неоднакова участь лексики групи, що розглядається, у процесах метафоризації в різних мовах пояснюється різницею у структурній організації мов, яка формує, у свою чергу, метафоричні «переваги» у їх носіїв.

Ключові слова: метафоричне мислення, стилеві обмеження, вмотивованість, конотація, метафоричне словотворення.

Krishtal S.M. Metaphorical Thinking and Language (Comparative Analysis of the Metaphoric Processes in English, Russian and Ukrainian). The article deals with language metaphors which are regarded as a natural consequence of a metaphoric type of thinking. The article offers comparative analysis of the metaphoric processes in the languages belonging to different types, which is carried out on the basis of a definite lexical group. Unequivalent involvement of the lexis under study into the metaphoric processes in the languages is explained by different structure of the languages, which, in its turn, leads to certain metaphoric "preferences" with their native speakers.

Key words: metaphoric thinking, style restrictions, motivation, connotation, metaphoric word-building.

Различия во вторичном использовании имени в разных языках принято объяснять разным объемом знаний и представлений об окружающей действительности. Культурные различия, особая логика образности отдельно взятого языка, которая формируется под воздействием конкретных природных, исторических причин – это те факторы, к которым традиционно обращаются, чтобы объяснить специфику метафорических построений [Корнилов 2003, с. 241, Вовк 1986, с. 62]. Однако, как показывает практика, одних только культурологических отсылок бывает недостаточно, чтобы понять, почему определенная метафора возможна в одном языке и невозможна в другом.

Цель данной статьи – изучение взаимосвязи структурного типа языка и особенностей процессов метафоризации.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Описать процессы метафоризации в рамках группы лексических единиц, называющих симптомы болезни в английском, русском и украинском языках.

2. Выделить языковые причины расхождений в метафорическом использовании имени в рассматриваемых языках.

Таким образом, **предмет** исследования – процессы метафоризации в языке, **объект** – лексика, называющая симптомы болезней в английском, русском и украинском языках.

Представляется важным подчеркнуть, что материалом исследования послужили обиходные единицы, называющие наиболее распространенные отклонения от физиологической нормы. К ним относятся: *вздутие, несварение, икота, отрыжка, понос, рвота, повышенное потоотделение, кашель, зуд, сыпь, опухоль, припухлость, сердцебиение, изжога, боль, отек, насморк, температура, дрожь, озноб, головокружение, спазмы, судороги* и ряд других.

Всего было проанализировано 30 лексических единиц, называющих отклонения от нормы, зафиксированные в списке общих симптомов заболеваний. Данная группа лексики интересна тем, что охватывает единицы, которые из-за своих референтов не принадлежат к наиболее часто используемому фонду языка. Более того, эту лексику стараются при возможности заменить эвфемизмами либо употреблять строго в определенной коммуникативной ситуации. Данные лексемы – своего рода табу, продиктованное чувством деликатности [Ульманн 1970, с. 282]. Перечисленные единицы также используются и как медицинские термины. Все это дает основания для предположения, что возможности метафоризации подобной лексики в силу ее специфики будут ограничены в любом языке. Однако проведенный анализ показывает, что она используется активным образом в качестве основы для переосмысления во всех трех языках, причем активнее всего процессы метафоризации проходят в английском языке, в котором практически отсутствуют какие-либо границы (жанровые, стилевые, семантические) ее использования в переносном смысле.

Так, 28 единиц, называющих отклонения от физиологической нормы, развивают дополнительные метафорические значения в английском языке. В русском и украинском – по 12 таких единиц, что более чем в два раза меньше. Кроме того, даже в случаях, когда отдельные метафорические значения совпадают в трех языках, английский язык демонстрирует явное превосходство в количестве словосочетаний, в которых рассматриваемая лексика употребляется метафорически.

Приведем в качестве примера лексему *зуд* (укр. *свербіж*, англ. *itch*). Метафорический перенос в трех языках идет по модели «Слова в значении болезненных состояний – область нравственных переживаний, испытаний, свойств». Метафора мотивирована, что проявляется в наличии в дефинициях эксплицитно выраженного сходного компонента (желание что-либо делать):

Itch – feeling of irritation on the skin, causing a desire to scratch – restless desire or longing to do sth. (Ощущение болезненно-щекочущего раздражения кожи, вызывающее желание почесать – непреодолимое стремление, желание).

В русском и украинском языках данная единица зафиксирована в выражениях *ноги (п'яти) сверблять; руки сверблять; руки так и зудят, писательский зуд*.

В английском языке метафоризация данной лексемы распространяется на большее количество сфер деятельности человека: *to have an itch for sth, to do sth; have an itching palm, have itchy feet, the seven-year itch*. Следует сделать еще одно важное замечание: английские

метафорические построения со словом *itch* в качестве переосмысливаемого компонента функционируют без ограничений во всех стилях английского языка, в то время как функционирование русских и украинских образований ограничено либо рамками разговорного стиля, либо рамками иронии, которую вкладывают в высказывание с компонентом «зуд».

Ярким примером стилового ограничения в использовании служит также единица *incontinence* (недержание). Украинские лексикографические источники не регистрируют случаи использования слова, обозначающего данное понятие, в переносном смысле. В русском языке имеется единица *словесное недержание*. Однако ее употребление ограничено характером коммуникативной ситуации, поскольку приведенное выражение имеет шутливо-ироничную модальность. Кроме того, существуют рамки самой фразеологической единицы, которые четко фиксируют положение слова *недержание* в системе русского языка. Так, трудно представить употребление данного слова в жанре финансовой статьи на русском или украинском языках, как это демонстрирует следующий английский пример:

The euro has thus obviously not been a perfect cure for governmental incontinence, but it has been a reasonably stable unit of account for the Continent for a decade.

В следующем примере на основе основного значения слова *contractions* – болезненные сокращения мышц, родовые схватки развивается значение «кризис», «ухудшение экономики»:

Russia's economy was hit hard by the crisis in 2008, recording one of the sharpest contractions of any major country. Thanks to billions in kremlin bailout funds, it has bounced back quickly, although investors have been slow to return.

Отличительной чертой метафор данной группы слов является их прозрачная мотивированность. Метафорическое перенесение имен, обозначающих отклонения от физиологической нормы, осуществляется, в подавляющем большинстве случаев, либо на основании реального сходства, либо на основании ассоциации, характерной для всего языкового коллектива в целом, а не для отдельного индивида. Использование в качестве основы для перенесения лексики, называющей негативные явления и процессы в жизнедеятельности человека, ведет к появлению единиц, которые обозначают негативные процессы в других сферах. Как правило, они имеют отрицательную коннотацию. Так, лексема (сыпь), первоначально служившая названием мелких пятнышек или прыщиков на теле человека при некоторых заболеваниях, становится обозначением любых однотипных предметов, появление которых не приветствуется: *a rash of strikes by health-service workers; a rash of ugly new houses.*

Лексема *bloating*, обозначающая состояние тела в результате скопления жидкости и газов, в качестве метафоры дает имя любому необоснованному, неоправданному и неэффективному умножению, увеличению количества (функций, штата, слов и т.д.): *bloated bureaucracy* (раздутая бюрократическая машина), *bloated deficit* (раздутый дефицит). Как видим, русские эквиваленты соответствующих английских выражений также построены на основе метафоры, однако в русском языке мы сталкиваемся с различными морфологическими вариантами глагола «дуть», а не с развитием метафорического значения у лексемы, обозначающей понятие из области медицины.

Универсальность метафорической модели объясняет наличие единиц, которые демонстрируют определенное сходство в развитии метафорических значений в трех языках. Среди них: *лихорадка* (*лихоманка, fever* – возбужденное состояние, суетливо-беспокойная деятельность, излишняя поспешность; *конвульсия* (*судома, конвульсія, convulsion*) – значительная трудность; *усталость* (*втома, fatigue*) – изменение механических и физических свойств материала; *повышенная температура* (*підвищена температура, temperature*) – степень напряженности, возбуждения; *повышенное потоотделение*, а также глагол *потеть* (*nit, nitniti, sweat*) – напряженно работать, думать и т.д.; *боль* (*біль, pain*) – переживания нравственного, морального характера, забота; *несварение желудка* (*нетравлення шлунку, indigestion*) – невозможность что-то принять, понять; *головокружение* (*запаморочення, dizziness*) – эйфория, радость и некоторые другие.

В некоторых случаях наблюдается полное сходство в развитии метафорических значений. Например, лексема *депрессия* (*depresія, depression*) имеет следующие значения в рассматриваемых языках: 1. Угнетенное, подавленное состояние как вид психического расстройства. 2. Перен. Упадок, застой в экономической, хозяйственной и общественной

жизни страны. В результате семантических процессов метафоризации и метонимизации данная лексема употребляется в трех языках также как термин метеорологии и геоморфологии.

Однако в английском языке семантические процессы более активные, чем в русском и украинском. Помимо метафорических значений в английском языке также могут развиваться метонимические значения. Например, лексема *nom* становится обозначением тяжелого задания или работы: *Climbing all these stairs is a real sweat. Making your own bear? It's not worth the sweat.*

В большинстве случаев переносное использование лексики, которая называет неприятные процессы, происходящие в человеческом организме, не мыслится языковым сознанием русских и украинцев. К единицам, которые могли бы использоваться в русском и украинском языках метафорически с точки зрения их морфологической формы, относятся *озноб, запор, одышка, отек, сыпь, икота* и многие другие. Нет лингвистических причин, которые бы препятствовали появлению переносного значения у этих слов в русском и украинском языках. Однако это не происходит именно в силу того, что в сознании носителей существуют некие факторы (в том числе и эстетического характера), допускающие или не допускающие появление новых метафор, как собственных, так и заимствованных семантических калек.

Большая популярность метафор в английском языке является логическим следствием самой языковой системы языка с бедной системой аффиксального словообразования. Как отмечает Л.А. Булаховский, в таких языках творческая фантазия направлена преимущественно на поиск новых метафор, метких синекдох и прочих комбинаций слов. Безграничное поле словесной деятельности в достаточной мере компенсирует «сухость морфологической системы» [Булаховский 1975, с. 359]. Структура языка, метафора как ее элемент и мышление представляются взаимозависимыми: структурный тип языка способствует появлению большого количества метафор, а те, в свою очередь, настраивают мышление на «метафорический лад». Иными словами, «материальная организация системы создает и духовную привычку к тому или иному способу выражения» [Степанов 2002, с. 235].

Есть все основания утверждать, что у носителей английского языка выработано умение «работать» с любой лексикой, не задумываясь над ее содержательной стороной и опираясь исключительно на принципы ассоциации и подобия. На этих принципах развилось метафорическое значение таких единиц, как *hiccup* (икота) – временная, незначительная проблема, недостаток; в финансовой терминологии – незначительное понижение цены, падение прибыли; *nausea* (тошнота) – чувство отвращения и негодования; *constipation* (запор) – явная нехватка легкости, непринужденности; *chill* (озноб) – холодность в манере общения, *regurgitation/regurgitate* (отрыжка) – бездумное повторение чужого мнения, идеи. Например, *largest computer producer reported earnings hiccup; just a little hiccup in our usual wonderful service, the stories will launch a wave of public nausea and outrage; literary constipation; the sudden chill in China's relations with the West; he's simply regurgitating stuff remembered from lectures.*

Дословный перевод данных примеров на русский и украинский языки невозможен в силу того, что используемые в них метафоры слишком экспрессивны для сознания носителей и, соответственно, неуместны ни в одном из стилей языков: *икота поступлений, лишь одна маленькая икота в остальном безупречном сервисе, волна общественной тошноты, литературный запор, внезапный озноб в отношениях между Китаем и Западом, он просто отрыгивает то, что услышал на лекциях.*

Отдельную группу образуют лексемы, развитие метафорических значений которых в русском и английском языках невозможно в силу языковых причин. К ним относятся: *cough, bruise, vomit* и ряд других. Наблюдения показывают, что данные слова развивают метафорические значения в их глагольных соответствиях, которые образованы по методу конверсии. Конверсия значительно расширяет метафорообразующие потенции языка, поскольку совмещение в одном слове форм существительного, глагола и прилагательного способствует еще большей диффузности значения, что, в свою очередь, создает больше ассоциаций и аналогий, привязанных к одному и тому же слову.

Таким образом, ассоциации, связанные и с объектом (процессом), и с качеством, и с действием, привязаны в английском языке к одному слову. В русском и украинском языках это не только три разные формы слова (глагольная, атрибутивная и субстантивная), но и в ряде

случаев использование нескольких слов для передачи значения действия. Например, значение английского глагола *to bruise* передается на русский и украинский языки двумя лексемами «*ставить синяки, покрываться синяками*».

Метафорическое перенесение на основе глагола *to bruise* идет за счет расширения области, где возможно нанесение повреждений – от кожи до сферы эмоций и переживаний и далее на любой объект, который может быть поврежден путем нанесения удара либо оказания давления: *bruised knee – bruised pride – bruised peaches* (досл. *покрытое синяками колено – покрытая синяками гордость – покрытые синяками персики*).

Лексема *cough* развивает метафорическое значение исключительно на языковом материале глагола. Метафорический перенос построен на ассоциациях, связывающих кашель с процессом, который, с одной стороны, сигнализирует об отклонениях в работе системы, а с другой – является нежелательным. Например, *The engine coughed and spluttered into life* (досл. *двигатель покашлял и завелся*); *the company coughed up \$40m in settlement of the legal claims* (досл. *компания выкашляла 40 миллионов долларов, чтобы уладить проблемы*).

Изучение процессов метафоризации в рамках группы лексических единиц, называющих симптомы болезни в английском, русском и украинском языках, позволяет сделать следующие **ВЫВОДЫ**:

1. Модель метафорического перенесения имени, в которой в качестве основы для переосмысления выступает область болезненных состояний, используется в английском, русском и украинском языках для описания самых различных объектов и состояний. При этом сохраняется отрицательная коннотация или ассоциация, присущая слову в его прямом значении.

2. Изучение группы лексики, обозначающей отклонения от физиологической нормы, показывает, что метафорическое словообразование неодинаково значимо для языков, представляющих разные структурные типы. Активнее всего процессы метафорического переосмысления проходят в английском языке, что является результатом определенных языковых тенденций. Анализ конкретного материала позволяет говорить о двух из них: о большей доли конверсии в английском словообразовании и о многозначности, которая одновременно и способствует метафоризации, и является ее результатом. Язык, создающий благоприятные условия для метафоризации, формирует особый тип мышления у его носителей. Проявлением этого является также отсутствие стилевых границ в использовании рассматриваемых метафорических образований в английском языке и значительные стилевые ограничения в русском и украинском.

В целом изученный материал свидетельствует о том, что метафорический перенос является более активным способом словообразования и передачи мысли, а сама метафора более органичным образованием в английском, чем в русском и украинском языках.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в привлечении большего количества групп лексики, объединенной общей тематикой, для выявления сходства и специфики метафорического словообразования на материале разных языков.

Преобладание метафор в английском языке делает также особенно актуальным вопрос об их переводимости, и целесообразности сохранения в отдельных жанрах.

Литература

- Булаховський Л.А. Загальне мовознавство / Л.А. Булаховський // Вибрані праці в п'яти томах. – 1975. – Т. 1. – 496 с.
 Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В.Н. Вовк. – К.: Наукова думка, 1986. – 141с.
 Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
 Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской) / Ю.С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.
 Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. – 1970. – Вып. 5. – С. 250-298.